Беженец

Автор:
Алан Гратц

Беженец

Алан Гратц

Trendbooks WOW

Самая важная книга года. БОЛЕЕ 40 ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕМИЙ. Основано на реальных событиях. Авторское вознаграждение за продажи книги будет отчислено в фонд ЮНИСЕФ. На протяжении 12 месяцев книга не сходит с рейтингов продаж Amazon. Впервые на русском! Трое детей. Три разных судьбы. Всего один шанс, чтобы выжить… Германия 1938 год. Его зовут Йозеф. Он бежит из фашистского Берлина, чтобы спасти свою жизнь… Куба 1994 год. Ее зовут Изабель. Она бежит от уличных протестов в Гаване, чтобы найти безопасный дом… Сирия 2015 год. Его зовут Махмуд. Он бежит из Алеппо, чтобы найти убежище от войны… Этих детей разделяют десятилетия, океаны и континенты, но невероятным образом их истории связывает единый финал.

А. Гратц

Беженец

Alan Gratz

Refugee

Copyright © 2017 by Alan Gratz.

Jacket art © 2017 Hitandrun

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2019

Такие книги читают. Их обсуждают. Про них спорят.

– School Library Journal

Если увлекательные истории, а есть важные романы. Беженец – и то, и другое

– Рута Шепетис, автор бестселлера Salt to the sea

Йозеф

Берлин. Германия. 1938 год

Бац! Бух!

Йозеф Ландау подскочил и сел на кровати. Сердце бешено колотилось. Раздался звук, будто кто-то выбил входную дверь. Или ему это приснилось?

Вокруг было темно. Йозеф внимательно прислушался. Он еще не привык к звукам этой новой, совсем маленькой квартиры, в которую пришлось перебраться его семье. Прежнее жилье теперь было им не по карману. Особенно с тех пор, как нацисты объяснили отцу Йозефа, что ему как еврею больше не позволено заниматься адвокатской практикой.

Рут, младшая сестра Йозефа, по-прежнему спала на другом конце комнаты. Йозеф попытался расслабиться. Может, это всего лишь кошмарный сон.

Что-то во тьме, за дверью, пошевелилось. До Йозефа донеслись надсадное кряхтенье и шарканье.

«В доме чужие?»

Йозеф снова лег, но глаз не закрыл. В соседней комнате раздался оглушительный грохот.

Проснувшаяся Рут, которой шел шестой год, пронзительно закричала от охватившего ее слепого ужаса.

– Мама! – позвал Йозеф. – Папа!

Огромные тени ворвались в комнату. Воздух вокруг них, казалось, потрескивал, как статические разряды в радиоприемнике. Йозеф попытался спрятаться в углу кровати, но темные руки потянулись к нему, схватили. Он завопил громче сестры, заглушив ее крики, и в панике пытался отбиться ногами, пока одна из теней не поймала его за щиколотку и не потащила по кровати, лицом вниз. Йозеф цеплялся за простыни, но силы были неравны. Йозеф так испугался, что обмочился; и жаркая влага наполнила пижамные штанишки.

– Нет! – вопил Йозеф. – Нет!

Тень швырнула его на пол, другая подняла Рут за волосы и отвесила оплеуху.

– Молчать! – завопила тень и бросила Рут на пол рядом с братом.

Напуганная девочка смолкла, но ненадолго, после чего взвыла еще громче.

– Тише, Рут, тише, – умолял Йозеф и, взяв сестру на руки, обнял, пытаясь защитить. – Не кричи, малышка.

Дети скорчились на полу, с испугом наблюдая, как тени подняли кроватку Рут и бросили в стену. Бах! Обломки разлетелись по полу. Тени сорвали картины, вытащили из бюро ящички и разбросали одежду, разбили абажуры и электролампочки.

Рут и Йозеф вцепились друг в друга, насмерть перепуганные, с мокрыми от слез лицами. Тени снова схватили детей и поволокли в гостиную, где швырнули их на пол и включили люстру.

Когда глаза Йозефа привыкли к свету, он насчитал семерых незнакомцев, вторгшихся в его дом. На некоторых была гражданская одежда: белые рубашки с закатанными рукавами, серые слаксы, коричневые шерстяные кепи, кожаные рабочие ботинки. Другие же носили коричневые рубашки и нарукавные повязки с красной свастикой. Это были Sturmabteilung, штурмовики Адольфа Гитлера.

Мать и отец Йозефа тоже лежали на полу, у ног коричневорубашечников.

– Йозеф! Рут! – вскрикнула мама, увидев их. Она бросилась к детям, но стоящий рядом нацист схватил ее за ночную рубашку и оттащил.

– Аарон Ландау! – сказал отцу один из коричневорубашечников. – Ты продолжаешь заниматься адвокатской практикой, несмотря на то что евреям запрещено это делать, согласно Закону о восстановлении профессиональной гражданской службы от 1933 года. За это преступление против германского народа тебя отправят в концлагерь.

Йозеф в панике уставился на отца.

– Это недоразумение, – попытался оправдаться папа. – Если только вы дадите мне возможность объясниться…

Коричневорубашечник, проигнорировав отца, кивнул. Двое нацистов подняли отца за шиворот и потащили к двери.

– Нет! – закричал Йозеф.

Он понимал, что должен сделать что-то. Он вскочил, вцепился в руку одного из тех, кто тащил отца, и попытался его оттолкнуть. Йозефа тут же схватили двое и держали, пока он вырывался.

Старший нацист рассмеялся.

– Смотрите на этого! – воскликнул он, показывая на мокрое пятно на штанишках Йозефа. – Мальчишка обоссался!

Нацисты дружно расхохотались. Лицо Йозефа загорелось от стыда. Он стал вырываться с новой силой:

– Скоро я стану мужчиной! Через шесть месяцев и одиннадцать дней!

Нацисты снова зашлись хохотом.

– Шесть месяцев и одиннадцать дней! – повторил за ним коричневорубашечник. – Можно подумать, он умеет считать!

И внезапно став серьезным, добавил:

– Возможно, скоро и ты попадешь в концлагерь, как твой отец.

– Нет! – крикнула мать. – Моему сыну всего двенадцать! Он еще мальчик! Пожалуйста, не надо!

Рут вцепилась в ногу Йозефа и заскулила:

– Не забирайте его! Не забирайте!

Коричневорубашечник поморщился от шума и небрежно махнул рукой нацистам, тащившим Аарона.

Йозеф молча наблюдал, как они волокут отца под всхлипывания матери и завывание Рут.

– Не спеши взрослеть, мальчик, – бросил ему коричневорубашечник. – Мы скоро придем за тобой.

Нацисты разгромили остальную часть дома. Разбили мебель, расколотили тарелки, порвали занавески. И исчезли так же внезапно, как и появились. Йозеф с матерью и сестрой стояли на коленях посреди комнаты и прижимались друг к

другу. Наконец, выплакав все слезы, Рашель Ландау повела детей в спальню, кое-как привела в порядок постель, уложила их и обнимала до самого утра.

В последующие дни Йозеф узнал, что их семья была не единственной, на которую в ту ночь напали нацисты. По всей Германии уничтожали еврейские дома, предприятия и синагоги. Десятки тысяч мужчин-евреев были арестованы и отправлены в концентрационные лагеря.

Нацисты назвали эти погромы Kristallnacht – Хрустальной ночью, или Ночью разбитых витрин.

Их посыл читался открыто и без официальных заявлений: Йозефа и его семью больше не желали видеть в Германии. Но он, его мать и сестра не хотели покидать страну. Потому что не могли уехать без отца. Мать неделями ходила от одного правительственного учреждения к другому, пытаясь выяснить, где ее муж и как его вернуть. Она так ничего и не добилась, и Йозеф отчаялся вновь увидеть отца. Но через полгода после ареста Аарона Ландау они получили телеграмму. Телеграмму от папы! Его выпустили из концлагеря Дахау при условии, что он в течение двух недель покинет страну.

Йозеф не хотел уезжать. Германия – его дом. Куда им деваться? Как они будут жить? Но нацисты уже дважды велели им убираться, и семейство Ландау не собиралось сидеть в ожидании того, что с ними сделают.

Изабель

Неподалеку от Гаванны. 1994 год

Тощего пятнистого котенка удалось выманить из-под дома, сложенного из розовых шлакоблоков, и заставить есть с руки Изабель Фернандес со второй попытки. Он явно голодал, как все население Кубы, и его голод пересилил страх.

Котенок был таким крошечным, что с трудом грыз бобы. Маленькое брюшко урчало, как подвесной мотор. Жуя, котенок терся головой о руку.

– На тебя больно смотреть, киса, – сказала Изабель.

Мех животного был тусклым и всклокоченным, а сквозь шкурку прощупывались все косточки. Изабель вдруг поняла, что котенок не слишком отличается от нее. Тощий, голодный и грязный.

Одиннадцатилетняя Изабель была долговязой, смуглое лицо украшали веснушки, а густые черные волосы, коротко остриженные на лето, она заправила за уши. На ней, как всегда, не было обуви, девочка уже вторую неделю ходила в одних и тех же топе и шортах.

Котенок доглодал бобы и жалобно замяукал. Изабель хотелось бы дать бедняге что-то еще, но она и без того скормила ему больше, чем могла себе позволить. Ее обед мало чем отличался: горстка бобов и белого риса.

Когда Изабель была маленькой, еду выдавали по карточкам и строго нормировали, но несколько лет назад, в 1989-м, начался распад Советского Союза, и Куба пошла ко дну. Куба, как и СССР, была коммунистической страной, и Советы десятилетиями покупали кубинский сахар, а взамен посылали на маленький остров продукты, бензин и лекарства.

Но когда Советского Союза не стало, не стало и экономической поддержки. Все кубинские фермы выращивали только сахар, и поскольку продавать его было некому, плантации тростника высыхали, заводы закрывались, люди теряли работу. Без советского бензина тракторы стояли, и не было возможности перепахать поля под другие культуры. Кубинцы стали голодать. Всех коров, свиней и овец зарезали и съели. Та же участь постигла и обитателей зоопарка. Даже бродячие животные заканчивали жизнь на обеденных столах.

Но ЭТОГО котенка Изабель никому не даст съесть.

– Ты будешь нашей маленькой тайной, – прошептала она.

– Привет, Изабель! – воскликнул Иван так неожиданно, что она подскочила. Котенок немедленно удрал под дом.

Иван был на год старше Изабель и жил по соседству. Дети дружили, сколько себя помнили. Иван был светлее Изабель, с курчавыми черными волосами. Сегодня на нем была майка с логотипом гаванской бейсбольной команды «Индустриалес» и бейсболка команды «Нью-Йорк Янкиз» с затейливыми буквами «NY». Иван хотел стать бейсболистом, когда вырастет, и был настолько хорош в спорте, что его мечты о будущей карьере не казались таким уж безумством.

Иван плюхнулся рядом с Изабель на пыльную землю.

– Смотри! Я нашел на пляже дохлую рыбу для кошки.

Вонь стояла такая, что Изабель отпрянула, но котенок тут же прибежал и стал жадно есть с руки Ивана.

– Ей нужна кличка. – Иван давал имена всем: шатавшимся по деревне бродячим собакам, своему велосипеду и даже бейсбольной перчатке. – Как насчет Жоржи? Или Ксавье? Или Лазаро?

– Это мальчишечьи имена, – возразила Изабель.

– Да. Но все они играют за «Львов», а она – настоящий маленький лев!

«Львы» были вторым, неофициальным названием «Индустриалес».

– Иван! – позвал отец с крыльца соседнего дома. – Помоги мне в сарае.

Иван поднялся.

– Мне нужно идти. Мы строим… конуру – пояснил он перед тем, как умчался.

Изабель покачала головой. Иван воображал, будто очень хитер, но она точно знала, что именно они с отцом строят в сарае, и это не конура. Лодка. Лодка, чтобы уплыть в Америку.

Изабель тревожилась: а вдруг семью Кастильо схватят? Фидель Кастро, человек, правивший Кубой в качестве Первого секретаря коммунистической партии Кубы и премьер-министра, а позже – Председателя Государственного совета, не

позволял никому покидать страну, особенно – бежать в Америку. Если вас поймают при попытке уплыть на лодке, Кастро бросит вас в тюрьму. Кроме того, Соединенные Штаты больше не желали принимать кубинских беженцев. Американские суда патрулировали девяностомильную полосу открытого моря между Гаваной и Флоридой, и если береговая охрана схватит вас, американский президент Билл Клинтон тут же отошлет вас на военно-морскую базу США в заливе Гуантанамо, в юго-восточной части Кубы. А затем вас выдадут Кастро, который и бросит вас в тюрьму.

Изабель знала все это, поскольку ее отца поймали и отправили за решетку, когда он в последний раз пытался уплыть в Америку.

Изабель заметила, что отец и дед направляются по дороге, ведущей в город, чтобы отстоять в очереди за едой. Спрятав котенка под домом, она побежала за трубой.

Изабель обожала ходить со взрослыми в Гавану, стоять на углу улицы и играть, чтобы прохожие бросали ей песо. Конечно, она никогда не зарабатывала много. Не потому что у нее плохо получалось. Как любила повторять мама, своей игрой Изабель могла сманить грозовые тучи с неба. Люди часто останавливались, чтобы ее послушать, хлопали и притоптывали ногами в такт. Но почти никогда не давали денег, потому что с самого развала Советского Союза почти единственной валютой стали продуктовые карточки. Да и они практически ничего не стоили: еды все равно не было, независимо от наличия или отсутствия карточек.

Изабель догнала отца и деда и рассталась с ними только на Малеконе, широкой дороге, извивавшейся вокруг дамбы в гаванском порту. По одной ее стороне тянулись кварталы зеленых, желтых, розовых и голубых домов и магазинчиков. Краска отслаивалась, здания были старыми и обшарпанными, но Изабель считала их шикарными и величественными.

Она стояла на широком променаде, откуда, казалось, была видна вся Гавана. Мамаши толкали детские коляски по тротуару, под пальмами целовались парочки, уличные музыканты играли румбу на гитарах и барабанах, мальчишки по очереди ныряли в море. Это место Изабель в городе любила больше всего.

Она бросила на землю старую бейсболку, на случай, если у кого-то найдется лишний песо, и поднесла к губам трубу. Пальцы заплясали на клапанах, зазвучала сальса, которую Изабель так любила играть. Но на этот раз она прислушивалась к чему-то помимо мелодии, помимо шума автомобилей и грузовиков на Малеконе, помимо разговоров проходивших мимо людей, помимо грохота волн, разбивавшихся о дамбу.

Изабель прислушивалась к загадке, скрывавшейся за нотами, к таинственному неявному ритму кубинской музыки, который, казалось, слышали все, кроме нее. Неровный ритм ложился поверх обычного, подобно тому как билось сердце. Но сколько Изабель ни пыталась, никогда его не слышала. Никогда не чувствовала. И теперь, напряженно прислушиваясь, она старалась уловить сердцебиение Кубы в своей музыке.

Но вместо этого услышала звон бьющегося стекла.

Махмуд

Алеппо, Сирия. 2015 год

Махмуд Бишара был невидимкой: именно этого он добивался. Ведь выжить можно только так.

То есть невидимкой он был не в буквальном смысле. Если вы присмотритесь к Махмуду, заглянете под капюшон, постоянно натянутый на лоб, то увидите двенадцатилетнего мальчика с длинным прямым носом, густыми бровями и коротко остриженными черными волосами. Он был крепким, широкоплечим и мускулистым, невзирая на вечный недостаток еды. Но Махмуд из кожи вон лез, чтобы скрыть свое лицо и сложение, остаться вне поля зрения. Случайная смерть от реактивного снаряда или выстрела из миномета могла настигнуть, когда ее меньше всего ожидаешь. Если заметят солдаты сирийской армии или сражавшиеся с ними мятежники – беды не миновать.

Махмуд сидел за партой в среднем ряду, в глубине класса, – меньше риска, что вызовет учитель. Парты были достаточно большими, чтобы вместить трех

учеников, и Махмуд сидел между Ахмедом и Недхалом.

Они не были его друзьями, у Махмуда вообще не было друзей. Так легче оставаться невидимым.

Один из учителей расхаживал по проходу, звоня в колокольчик. Махмуд, собрав рюкзак, отправился на поиски своего младшего брата, Валида.

Десятилетний Валид учился двумя классами младше Махмуда. Его черные волосы тоже были коротко подстрижены. Но он больше походил на мать: плечи уже, брови тоньше, уши торчком, а нос более плоский. Когда улыбался, он был похож на мультяшную белку из-за слишком больших зубов и худого лица. Впрочем, улыбался Валид не так уж часто. Махмуд не мог вспомнить, когда в последний раз видел брата смеющимся или плачущим… или вообще хоть какие-то эмоции на его лице. Война сделала Махмуда нервным, дерганым параноиком. А младшего брата превратила в робота.

Они жили не так далеко от школы, но Махмуд каждый раз вел брата домой разными маршрутами. Иногда – узкими переулками: на улицах могли быть солдаты, и Махмуд не всегда понимал, на чьей они стороне. А если рядом находились разбомбленные здания, Махмуд и Валид скрывались среди груд искореженного металла и обломков цемента. Здесь не было стен, которые могли придавить при падении, когда над головой начнут жужжать артиллерийские снаряды.

Правда, если с самолета сбрасывали бочковую бомбу, требовалось хоть какое-то укрытие. Такие бомбы могли изрешетить человека: они были набиты гвоздями и металлическими обрезками.

Так было не всегда. Четыре года назад их родной город, Алеппо, был самым большим, красивым и современным в Сирии. Драгоценность короны Средней Азии. Махмуд вспоминал торговые центры с неоновыми вывесками, сверкающие небоскребы, футбольные стадионы, кинотеатры, музеи.

У Алеппо была история – долгая история. Старый город находился в самом сердце страны, его построили в двенадцатом веке, а люди жили в этой местности с шестого века от Рождества Христова. Алеппо был удивительным местом, Махмуд радовался, что рос именно в нем.

В 2011 году в Сирию пришла Арабская весна. Только тогда ее так не называли. Никто не знал, что волна революций прокатится по Средней Азии, сметая правительства, свергая диктаторов и разжигая гражданские войны. Сирийцы только из новостей и постов в Фейсбуке и Твиттере узнавали, что народы Туниса, Ливии и Йемена выходили на улицы с протестами. Когда волнения начинаются в одной стране, и ее народ говорит: «Довольно!», ее примеру следует вторая, третья… Так Арабская весна пришла в Сирию.

Но люди знали, насколько опасны уличные протесты. Сирией управлял Башар аль-Асад, его дважды избрали президентом, поскольку никому другому не позволялось выдвигать свою кандидатуру. Те же, кому не нравился Асад, исчезали. Навсегда. Все боялись того, что он может сделать, если Арабская весна пройдется по Сирии. Недаром старая пословица гласила: «Закрой дверь, через которую врывается ветер, и успокойся».

Именно это и делали сирийцы, пока остальная часть Средней Азии пылала пожарами мятежа. Они оставались дома, запирали двери и ждали, что будет. Но оказалось, что двери закрыты недостаточно плотно.

В Дамаске, столице Сирии, арестовали человека за речи против Асада. Какие-то ребятишки в Дараа, городе на юге, были арестованы и избиты полицией, потому что писали на стенах слоганы, обличающие Асада. И тогда целая страна, казалось, разом обезумела. Потоки людей хлынули на улицы, требуя освобождения политзаключенных и больше свободы для всех жителей Сирии.

В течение месяца Асад двинул танки, бомбардировщики и армию против мятежников – собственного народа, – и с тех пор война стала единственным, что видели в Сирии.

Махмуд и Валид свернули в очередной засыпанный мусором переулок и остановились как вкопанные. Чуть впереди двое мальчишек прижали третьего к полуобвалившейся стене и отнимали сумку с хлебом, которую тот нес.

Сердце Махмуда застучало сильнее, и он толкнул Валида за сгоревший автомобиль. Последнее время подобные истории случались в Алеппо чаще. Доставлять продукты в город становилось все труднее и труднее.

Увиденное пробудило в Махмуде воспоминания о другом времени, еще до начала войны. Тогда он шел на встречу с лучшим другом, Халидом, и на боковой улочке, похожей на эту, увидел, как Халида избивают двое мальчишек постарше. Он, как и Махмуд, был шиитом в стране суннитов. Халид был умен, сообразителен, всегда первым поднимал руку в классе и отвечал правильно. Они знали друг друга много лет и любили проводить свободное время за чтением комиксов, просмотром фильмов с супергероями и видеоиграми.

Халид свернулся клубком на земле, прикрывая голову руками, а нападавшие пинали его.

– Теперь ты уже не такой умный, а, свинья? – спросил один.

– Шииты должны знать свое место! Это Сирия! Не Иран!

Сунниты ненавидели шиитов, но еще больше ненавидели, когда те привлекали к себе внимание. Мальчики постарше хотели, чтобы Халид сидел тихо и не высовывался.

Махмуд с боевым кличем, которым гордился бы Росомаха, бросился на врага. И был избит так же жестоко, как и его друг.

С того дня Махмуда и Халида невзлюбили. Те двое постоянно унижали и избивали их на переменах и после занятий. Именно тогда они поняли, как важно стать невидимками. Махмуд весь день оставался в классе, никогда не выходил в туалет или на футбольное поле. Халид больше не отвечал на вопросы учителя, даже когда тот обращался прямо к нему. Если хулиганы не заметят тебя, значит, и не ударят. Тогда же Махмуд осознал, что вдвоем с Халидом они крупная мишень. Они поняли, что поодиночке быть невидимыми легче.

Мальчики ничего не сказали друг другу, и за год отдалились так сильно, что перестали даже здороваться при встрече в вестибюле школы.

Год спустя Халид погиб во время авианалета. В Сирии в 2015 году лучше было вообще не иметь друзей.

Махмуд наблюдал, как парни набрасываются на мальчика с хлебом. Мальчика, которого он даже не знал, но чувствовал, как в душе зашевелились негодование, гнев, сочувствие. Махмуд дышал часто и неровно, руки сами сжались в кулаки.

– Мне следует сделать что-то, – прошептал он.

Но он знал: лучше не вмешиваться. Голову вниз, глаза в землю, капюшон на лоб – вот он, способ стать невидимым. Раствориться. Исчезнуть.

Махмуд взял младшего брата за руку, повернулся и нашел другой путь домой.

Йозеф

Берлин, Германия. 1939 год

1 день вдали от дома

Они словно стали невидимками.

Йозеф и его сестра следовали за матерью сквозь толпу на Берлин-Лертер, одном из главных столичных вокзалов. Йозеф и Рут несли по чемодану, мать была нагружена двумя: в одном были вещи мужа, в другом – ее собственные.

Ни один носильщик не поспешил на помощь, ни один служащий не остановился спросить, не нужно ли помочь найти поезд. Ярко-желтые звезды Давида, которые Ландау носили на нарукавных повязках, словно превратились в волшебные талисманы, сделавшие их невидимыми, так казалось вначале. Йозеф заметил, что их обходят стороной. Служащие и другие пассажиры расступались, давая им дорогу. Толпа обтекала их, как вода обтекает неподвижный камень. Люди предпочитали не замечать Ландау.

Войдя в поезд, Йозеф и его семья сели в купе, обозначенное буквой «Е», – начальной буквой слова «евреи», чтобы ни один «истинный» германец не забрел туда по ошибке. Они отправлялись на северное побережье, в Гамбург. Там их

должен встретить отец, и они сядут на корабль. В день, когда они получили телеграмму от папы, мать Йозефа забронировала четыре билета в единственное место, где их согласились принять: остров Куба на другом конце света.

С тех пор как свыше шести лет назад нацисты пришли к власти, евреи бежали из Германии. Но теперь, в мае 1939 года, большинство стран перестали принимать беженцев или требовали заполнять множество документов, да еще и платить, прежде чем пускали их в страну. Йозеф и его семья надеялись когда-нибудь перебраться в Америку, но просто приплыть в нью-йоркскую гавань на лодке было, конечно, нельзя. США каждый год принимали определенное количество беженцев, семья Йозефа хотела подождать своей очереди на Кубе.

– Мне жарко, – пожаловалась Рут, дергая маму за пальтишко.

– Нет-нет, – запротестовала та. – Ты не должна снимать пальто, ясно? И не смей никуда без него ходить. Пока мы не доберемся до Кубы.

– Я не хочу на Кубу, – заныла Рут, когда поезд тронулся. Мать усадила ее на колени.

– Знаю, дорогая. Но мы должны ехать, чтобы избежать опасности. Это будет настоящим приключением.

Рут должна была в этом году идти в начальную школу, если бы евреям позволяли учиться. У нее были блестящие глаза, вьющиеся каштановые волосы со стрижкой боб и косым пробором. Небольшая щель между передними зубами делала ее похожей на бурундучка. Рут носила темно-синее платье-матроску и повсюду таскала за собой белого плюшевого кролика, Битси.

Рут родилась в тот год, когда Адольф Гитлер был избран рейхсканцлером Германии. И она не знала другой жизни, кроме этой. Но Йозеф помнил, как было раньше. Когда люди не сторонились его семьи. А Ландау тоже считались гражданами Германии.

Они поднялись рано, день выдался утомительным, поэтому вскоре Рут уснула на коленях мамы, и та задремала вместе с ней. Наблюдая за ними, Йозеф задавался вопросом: мог бы кто-то признать в них евреев, не сиди они в купе с буквой «Е», в нарукавниках с желтыми звездами Давида?

Йозеф вспоминал свой класс: когда-то ему позволялось ходить в школу. Однажды учитель, герр Майер, вызвал его к доске. Сначала Йозеф думал, что его попросят решить задачу. Но вместо этого Майер показал экран с лицами и профилями еврейских женщин и мужчин и привел Йозефа в качестве примера того, как отличить истинного германца от еврея. Он поворачивал Йозефа так и этак, показывал горбинку на носу, скос подбородка.

Йозеф снова и снова чувствовал жар стыда и унижение. О нем говорили, как о животном, особи, недочеловеке.

Узнает ли кто-то в нем еврея без нарукавной повязки, без штампа «jude» в паспорте? Йозеф решил проверить.

Он вышел и зашагал по коридору, мимо других еврейских семей, сидевших в купе. Там, за дверью впереди, начиналась германская часть поезда. Изводясь от волнения и дрожа от озноба, Йозеф снял бумажную повязку со звездой Давида, сунул во внутренний карман пиджака, открыл дверь и бесшумно пошел по коридору. Германская часть ничем не отличалась от еврейской. Немецкие семьи так же смеялись, разговаривали, спорили. Они так же ели, спали и читали книги.

Йозеф поймал свое отражение в одном из окон. Прямые, каштановые, зализанные назад волосы, карие глаза за очками в проволочной оправе, короткий нос. Вот только уши, пожалуй, большеваты.

Для своих лет он был среднего роста. Одет в серый полосатый двубортный пиджак, коричневые брюки, белую рубашку и голубой галстук. Ничто не напоминало фотографии с презентации герра Майера. Йозеф вообще не знал ни одного еврея, который был бы похож на эти картинки.

Следующим шел вагон-ресторан. Люди сидели за маленькими столиками, курили, ели, пили, болтали, читали или играли в карты. Мужчина у бара с закусками продавал газеты. Йозеф выбрал одну и положил на прилавок монету.

Продавец улыбнулся:

– Покупаете газету для отца?

«Нет, – подумал Йозеф. – Мой отец только что вышел из концлагеря».

– Нет. Для себя, – сказал он. – Я хочу когда-нибудь стать журналистом.

– Прекрасно! – похвалил продавец. – Нам нужно больше писателей. – Он жестом обвел товар. – Чтобы было чем торговать!

Продавец рассмеялся, и Йозеф ответил улыбкой. Подумать только, вот они, разговаривают, как обычные люди. Только Йозеф не забыл, что он еврей, и если бы он надел нарукавную повязку, этот человек не разговаривал и не смеялся бы с ним. Он позвал бы полицию.

Йозеф уже хотел уйти, но решил купить Рут конфету. Ей бы понравилось угощение, ведь с тех пор как отец потерял работу, с деньгами было плохо. Йозеф взял из банки леденец и полез в карман за пфеннигом. Но когда стал вытаскивать монету, за руку зацепилась повязка и упала на пол, лицевой стороной вверх. Теперь каждый мог видеть звезду Давида.

Невидимые пальцы сжали сердце Йозефа. Он нагнулся и протянул руку. Но черный ботинок наступил на повязку, прежде чем Йозеф успел ее схватить. Он поднял взгляд с обуви на белые носки, коричневые шорты, коричневую рубашку и красную нацистскую нарукавную повязку гитлерюгенда. Мальчик возраста Йозефа клялся жить и умереть за фатерлянд[1 - Отечество (нем.). – Здесь и далее, если не оговорено иное, примечания переводчика.]. Он стоял на повязке Йозефа, широко раскрыв глаза от удивления. Кровь отлила от лица Йозефа. Мальчик нагнулся, подхватил повязку и взял Йозефа за руку.

– Пойдем, – коротко велел он и повел Йозефа к выходу через вагон-ресторан.

Йозеф едва передвигал налившиеся свинцовой тяжестью ноги. Перед глазами все плыло.

После того как герр Майер вызвал Йозефа к доске, чтобы показать классу, насколько евреи ниже истинных германцев, он вернулся на свое место рядом с Клаусом, лучшим другом. Клаус носил ту же униформу, что и этот мальчик. Клаус вступил в гитлерюгенд не потому, что хотел, а потому, что в противном случае детей и их семьи всячески стыдили и унижали. Клаус поморщился, пытаясь показать, как ему жаль, что герр Майер поступил так с другом.

Днем после школы Йозефа поджидала компания гитлерюгендцев. Всем скопом они напали на него, били, пинали, всячески обзывали за одно лишь происхождение. Но хуже всего, что среди них был и Клаус.

Униформа гитлерюгенда превращала мальчишек в чудовищ. Йозеф видел, как это происходило. С тех пор он делал все, чтобы не попадаться им на глаза, и вот теперь оказался в руках одного из них по собственной вине. Из-за глупого желания снять нарукавную повязку, погулять по вагону и купить газету. Теперь его, мать и сестру ссадят с поезда, а может, и пошлют в концлагерь. Йозеф поступил неразумно, и расплачиваться за его глупость придется всей семье.

Изабель

Гавана. Куба. 1994 год

Изабель открыла глаза и опустила трубу, она была уверена, что слышала звон бьющегося стекла. Но поток машин и велосипедов по-прежнему струился под ярким солнцем Малекона, будто ничего не случилось. Изабель покачала головой: видимо, ей послышалось, она снова прижала трубу к губам.

Внезапно раздался женский крик. Выстрел, – бум! – и мир сошел с ума.

Из переулков выбегали люди. Сотни людей! В основном мужчины. Многие из них были в шортах и кедах, а некоторые – без рубашек. И это в сорокаградусную августовскую жару! Коричневые спины блестели от пота. Люди кричали, скандировали какие-то лозунги. Они бросались камнями и бутылками. Они высыпали на улицы, как кофейные зерна из рваного мешка, и быстро одолели немногих полицейских на Малеконе. Изабель увидела, как разлетелось витринное стекло универмага и мужчины и женщины ринулись внутрь, чтобы растащить обувь, туалетную бумагу и мыло.

На улице заревела тревожная сирена. Позади многоквартирного дома поднимался столб дыма. Гавана восстала, и отец и дед Изабель оказались прямо в центре мятежа.

Кто-то бежал от хаоса, но все больше людей мчались к Малекону, и Изабель поддалась общему порыву. Гудели автомобильные клаксоны, разворачивались велосипеды. Народа на улице было не меньше, чем сахарного тростника на поле.

Изабель лавировала между людьми, крепко зажав под мышкой трубу, выискивая взглядом отца и деда.

– Свобода! Свобода! – скандировали восставшие.

– Кастро, убирайся!

– С нас довольно!

Изабель не верила собственным ушам. Людей, критиковавших Фиделя Кастро, бросали в тюрьмы, где они бесследно исчезали. Но теперь улицы заполнили кричавшие:

– Долой Фиделя! Долой Фиделя!

– Папочка! – вскрикнула она. – Лито!

Деда звали Мариано, но Изабель называла его «лито», сокращенно от abuelito – «дедушка».

Прогремели ружейные выстрелы, Изабель пригнулась. Появились полицейские на мотоциклах и военные грузовики. Протест превращался в кровопролитие. По восставшим стреляли, они бросали камни в ответ. Сраженный пулей мужчина упал прямо в ноги Изабель. Она в ужасе отскочила.

Кто-то схватил ее сзади. Изабель вздрогнула и обернулась. Лито! Она бросилась в объятия деда.

– Слава богу, ты жива, – выдохнул он.

– Где папа?

– Не знаю. Мы были в разных местах, когда все началось, – пояснил дед.

Изабель сунула трубу ему в руки.

– Я должна найти его!

– Чабела! – окликнул дед, как всегда, назвав внучку детским прозвищем. – Нет! Подожди!

Но Изабель даже не оглянулась. Она хотела найти отца. Если полиция снова схватит его, отошлет назад, в тюрьму, и на этот раз его могут не выпустить.

Изабель шныряла в толпе, стараясь держаться подальше от места, где полицейские образовали кордон.

– Папа! – звала она. – Папа!

Но она была слишком маленькой, а людей вокруг собралось слишком много.

Увидев, как наверху люди взбирались на большую неоновую вывеску, свисавшую с боковой стены туристического отеля, Изабель поняла, что делать. Она подобралась к одной из машин, застрявших в бесконечной пробке, старому американскому «шевроле» с хромовыми хвостовиками, который был все еще на ходу со времен революции пятидесятых, взобралась на бампер, а оттуда – на капот. Водитель нажал на клаксон и вынул изо рта сигару, собираясь накричать на нее.

– Чабела! – завопил дед, увидев ее. – Слезай оттуда!

Но Изабель, не обращая на них внимания, поворачивалась из стороны в сторону и продолжала звать отца. Вот он!

Изабель увидела папу в тот момент, когда он размахнулся и швырнул бутылку, которая полетела в строй полицейских вдоль дамбы. И это оказалось последней каплей. По команде старшего они ринулись в толпу, задерживая восставших, они избивали их деревянными дубинками. В неразберихе один из полицейских схватил отца за руку.

– Нет! – вскрикнула Изабель и, спрыгнув с капота, стала проталкиваться к столпотворению. Когда она добралась до отца, тот уже лежал на земле, свернувшись клубком, а полицейский колотил его дубинкой. Когда он в очередной раз поднял оружие, Изабель выскочила между ним и отцом.

– Не надо! Пожалуйста! – кричала она.

Гнев в глазах полицейского сменился изумлением, а потом – снова гневом. Он замахнулся дубинкой на Изабель, и та сжалась. Но удара не последовало. Другой полицейский поймал его за руку!

Изабель моргнула. Она узнала своего спасителя! Луис Кастильо, старший брат Ивана!

– Что это ты вытворяешь? – рявкнул первый полицейский.

Луис не успел ответить. Раздался свист. Полиция понадобилась в другом месте.

Злобный коп высвободился из хватки Луиса и показал дубинкой на папу:

– Я видел, что ты сделал. И я найду тебя снова. Когда все закончится. Найду, арестую, и тебе дадут пожизненное.

Луис оттащил его, чуть помедлив, чтобы оглянуться и окинуть Изабель встревоженным взглядом. Ему не нужно было ничего говорить. Когда подбежавший дед помог Изабель поднять отца, она уже все поняла.

Папе нужно бежать с Кубы. Сегодня ночью.

Махмуд

Алеппо, Сирия. 2015 год

Дневной азан[2 - Призыв к молитве.] из ближайшей мечети эхом пронесся по разбомбленным улицам Алеппо. Мелодичный, неземной голос муэдзина[3 - Служитель мечети, призывающий на обязательную молитву.] прославлял Аллаха и призывал к молитве.

Махмуд сидел за кухонным столом и делал домашнее задание по математике, но тут же отложил ручку и пошел умываться к раковине. Воды снова не было, поэтому Махмуд наливал ту, что была в пластиковых банках, – ее таскала из соседнего колодца мать.

Валид сидел на другом конце комнаты, перед телевизором, и неподвижно, как зомби, смотрел в экран. Сегодня показывали мультфильм «Черепашки-ниндзя», переведенный на арабский.

Мать Махмуда вышла из спальни, где складывала одежду, и выключила телевизор.

– Пора молиться, Валид. Но сначала омовение.

Одной рукой она держала розовый айфон, а другой – Хану, маленькую сестру Махмуда.

Фатима Бишара, мать Махмуда, высоко зачесывала длинные темные волосы и смотрела на мир пристальными карими глазами. Сегодня на ней была обычная домашняя одежда: джинсы и розовая блуза медсестры, которую она носила на работу. Но Фатима ушла из больницы, когда родилась Хана, чуть позже, чем началась война. Тогда она каждый день приходила домой с ужасными историями о людях, которых помогала собирать заново. Не солдат. Местных жителей. Мужчины с пулевыми ранениями. Женщины с ожогами. Дети с оторванными конечностями.

Фатима не впала в ступор, как Валид. Но в какой-то момент все стало настолько плохо, что она просто перестала говорить об этом.

Закончив омовение, Махмуд отошел в тот угол комнаты, который смотрел на Мекку, и развернул два коврика – один для себя, другой для Валида. Мать привыкла молиться в своей спальне.

Махмуд начал без Валида. Поднял руки к ушам и провозгласил: «Аллаху акбар». Бог – величайший. Поднес ладони к животу и произнес короткую молитву перед тем, как прочесть первую главу Корана, самой святой книги ислама. Наклонился и трижды восхвалил Аллаха. Встал и снова восхвалил Аллаха. Опустился на четвереньки, прижался лбом к полу и еще трижды восхвалил Аллаха. Закончив, Махмуд встал на колени и завершил молитвы, повернув голову вправо, а потом влево – к ангелам, которые записывали хорошие и плохие деяния.

Весь ритуал занял около семи минут. Валид тоже присоединился к молитве. Махмуд подождал, пока брат закончит и пойдет дальше смотреть мультики, свернул коврики и вернулся к занятиям.

Махмуд как раз начал решать новое уравнение, когда услышал звук, заглушивший телевизор. Рев поднялся за окнами, словно горячий ветер. Но за доли секунды ветер превратился в торнадо. Махмуд уронил ручку, прижал ладони к ушам, и бросился под кухонный стол.

Он прекрасно знал звук летящего реактивного снаряда. Ш-ш-ш… ту-у-ум!

Стена квартиры взорвалась, по комнате разлетелись куски бетона и стекла. Пол под Махмудом покачнулся, и его отбросило назад, в кухню, вместе со стульями и столом.

Мир превратился в водоворот кирпичей, разбитой посуды, обломков стола и жара. Махмуд врезался в шкаф. От удара весь воздух вылетел из легких. Махмуд с глухим стуком упал на пол, в кучу металла и цемента. В его ушах тонко звенело: так звучал телевизор, когда спутник искал сигнал. Над головой разлетались искры из остатков светильника, но кроме воздуха ничего уже не имело значения. Махмуд не мог дышать, будто кто-то придавил его и сел на грудь.

Охваченный паникой, он бился среди мусора. Он не мог дышать. Не мог дышать! Обезумев, Махмуд разбрасывал обломки, царапался и рылся в том, что осталось от дома, словно каким-то образом мог продраться туда, где был воздух.

И вдруг его легкие вновь заработали. Он давился воздухом, жадно глотал его и чувствовал поднявшуюся пыль, которая раздирала ему горло. Но Махмуд в жизни не чувствовал ничего слаще. В ушах все еще звенело, но сквозь

жужжанье он по-прежнему слышал грохот взрывов. Бомбят не только его дом, а весь квартал.

Лоб Махмуда был горячим и мокрым. Он приложил к нему руку и увидел кровь. Плечо ныло, грудь разрывало с каждым болезненным, отчаянным вдохом. Но теперь это было уже неважно. Главное – добраться до матери. Сестры. Брата.

Махмуд с трудом поднялся и увидел стоявшее на другой стороне здание, облитое беспощадным дневным светом, так ясно, словно завис в воздухе рядом с ним. Все еще оглушенный, он моргнул, но тут же понял… Внешняя стена квартиры Махмуда обвалилась.

Йозеф

В поезде, идущем на Гамбург, Германия. 1939 год

1 день вдали от дома

Гитлерюгендовец повел Йозефа по узкому проходу германского пассажирского вагона. На глазах Йозефа выступили слезы. Коричневорубашечник, который увел отца в Хрустальную ночь, сказал, что скоро придет и за ним. Но Йозеф не стал ждать. Он попался сам, совершив эту дурацкую выходку.

Они подошли к купе, где сидел мужчина в мундире гестапо, тайной государственной полиции нацистов, и Йозеф споткнулся. Гестаповец глянул на них через окошечко в двери. «Нет. Не здесь. Не сейчас. Только не так», – молился Йозеф… Но гитлерюгендовец подтолкнул Йозефа вперед.

Они приблизились к двери еврейского вагона. Гитлерюгендовец развернул Йозефа лицом к себе и оглянулся проверить, не подслушивает ли кто.

– О чем ты только думал? – прошептал он.

Йозеф потерял дар речи.

Мальчик ткнул нарукавной повязкой в грудь Йозефа:

– Надень. И больше никогда этого не делай. Понял?

– Я… да… – пролепетал Йозеф. – Спасибо. Спасибо-спасибо-спасибо.

Гитлерюгендовец тяжело дышал. Лицо налилось краской, словно это он попал в беду. Заметив леденец, который Йозеф купил для Рут, он тут же забрал его. Выпрямился, одернул коричневую рубашку, повернулся и ушел.

Йозеф, все еще дрожа, скользнул в купе и рухнул на скамью. Он оставался там до конца поездки. Нарукавная повязка была надежно закреплена и бросалась в глаза каждому. Йозеф даже в туалет не выходил.

Наконец поезд прибыл на центральный вокзал Гамбурга. Мать Йозефа повела детей сквозь толпу в порт, где ожидал корабль.

Йозеф никогда раньше не видел такого большого судна. Если поставить его на нос, оно будет выше любого берлинского здания. Две гигантских дымовых трубы возвышались в центре палубы. Одна выплевывала серо-черный дым мотора. С земли до самого верха черного корпуса были проложены сходни. Сотни людей уже были на борту, под цветными, развевавшимися на ветру флажками, и махали друзьям и родным, которые остались внизу. Но надо всеми, словно желая напомнить, кто здесь главный, реял красно-белый нацистский флаг с черной свастикой в центре. Корабль назывался MS[4 - MS – так называемый судовой префикс, означающий «дизельное судно» или «теплоход».] «Сент-Луис».

Йозеф знал, что Сент-Луис – американский город, и это показалось ему хорошим знамением. Знаком того, что они когда-нибудь окажутся в Америке. И может, однажды посетят настоящий Сент-Луис.

Из-за ящиков и вещей, наваленных на пристани, выскочил потрепанного вида мужчина. Рут вскрикнула, Йозеф вздрогнул, а мать испуганно попятилась. Мужчина протянул к ним руки:

– Вы приехали! Наконец!

«Этот голос, – подумал Йозеф. – Неужели он действительно…»

Мужчина обнял маму. Она позволила ему приблизиться, хотя по-прежнему упиралась ладонями в грудь, словно пыталась оттолкнуть. Он отступил, держа ее на расстоянии вытянутой руки:

– Моя дражайшая Рашель! Я думал, что никогда больше не увижу тебя!

Да. Это он. Жалкий человечек, который выскочил из тени, словно беглец из психиатрической клиники, оказался Аароном Ландау.

Йозеф вздрогнул. Сейчас его папа совсем не был похож на того человека, которого полгода назад уволокли из дома. Густые каштановые волосы и борода были сбриты, лицо и голову покрывала колючая щетина. И он похудел, очень сильно. Скелет в поношенном костюме на три размера больше, чем надо.

Глаза Аарона на осунувшемся лице широко распахнулись, стоило ему повернуться к детям. Когда отец обнял их, у Йозефа перехватило дыхание, а Рут с криком уткнулась лицом в его живот. От него шел такой сильный запах гнили, совсем как в переулке за лавкой мясника, что Йозеф поспешно отвернул голову.

– Йозеф! Рут! Дорогие мои!

Он снова и снова целовал их в макушки, но вдруг отпрыгнул и стал с маниакальным видом оглядываться, будто повсюду были шпионы.

– Нужно идти. Нам нельзя оставаться здесь. Мы должны пробраться на борт прежде, чем нас остановят.

– Но у нас же есть билеты, – возразила мама. – И визы.

Отец быстро покачал головой.

– Это не важно. – Глаза его были готовы выскочить из орбит. – Они нас остановят. Отвезут меня обратно.

Рут цеплялась за брата. Отец пугал ее. Йозефа он тоже пугал.

– Скорее! – велел папа.

Он потянул семейство через ряды поставленных друг на друга ящиков. Было сложно не отставать, когда Аарон прыгал с места на место, обходя воображаемых врагов.

Йозеф бросил на мать боязливый взгляд, пытаясь понять, что же случилось с отцом, но та лишь покачала головой. В глазах стояла тревога.

Когда они подобрались к сходням, отец присел за последними ящиками:

– По счету три бежим к сходням. Не останавливайтесь. Ни за что не останавливайтесь. Мы должны попасть на судно. Готовы? Один. Два. Три!

Йозеф не был готов. Как и остальные. Они наблюдали за Аароном Ландау, который бежит к сходням, где уже выстроилась очередь пассажиров. Люди отдавали билеты улыбчивому мужчине в матросской форме.

Отец прошмыгнул мимо него и врезался в поручень, прежде чем выпрямиться и побежать дальше.

– Подождите! – крикнул матрос.

– Дети, скорее, – велела мама.

Вместе они поспешили к сходням, волоча за собой чемоданы.

– Его билет у меня, – объяснила она матросу. – Извините. Мы можем подождать в очереди.

Растерявшийся человек, который уже протягивал свои билеты, жестом попросил их пройти. Мать Йозефа поблагодарила его.

– Мужу просто… не терпится уехать, – пробормотала она.

Матрос грустно улыбнулся и прокомпостировал их билеты.

– Понимаю… О, позвольте мне позвать кого-нибудь на помощь. Носильщик!

Йозеф не поверил глазам, когда другой матрос, немец, без повязки со звездой Давида, человек, который не был евреем, подхватил чемоданы – два сунул под мышки, два взял в руки – и повел семью по сходням.

Он обращался с ними, как с настоящими пассажирами. С настоящими ЛЮДЬМИ. И он оказался не единственным. Каждый матрос, попадавшийся им на пути, почтительно прикладывал два пальца к бескозырке, а стюард, показавший им каюту, заверил: если что-то понадобится, они могут обратиться к нему в любую минуту. В любую.

Каюта была безупречно чистой, как и белье на койках. Полотенца – выглажены и аккуратно сложены.

– Это ловушка, – заявил отец, когда дверь за стюардом закрылась, и оглядел маленькое помещение, словно стены вот-вот сомкнутся. – За нами скоро придут.

Именно это сказал когда-то коричневорубашечник.

Мама положила ладони на головы Йозефа и Рут.

– Почему бы вам не выйти на палубу? – тихо предложила она. – Я останусь с вашим отцом.

Дети были только рады убраться подальше от папы.

Через несколько часов они наблюдали с прогулочной палубы, как два буксира тянут «Сент-Луис» от пристани, а пассажиры бросают конфетти, радуются и посылают воздушные поцелуи оставшимся на берегу. Йозеф и его семья были на пути в новую страну. В новую жизнь.

Но Йозеф мог думать только о том, какие ужасы пришлось пережить отцу, если он выглядит и ведет себя, словно повстречал саму смерть.

Изабель

Неподалеку от Гаваны, Куба. 1994 год

Изабель вместе с дедом усадили отца на стул в маленькой кухоньке, и Тереза Падрон де Фернандес, ее мать, побежала к шкафчику под раковиной, где стоял йод. Изабель поспешила за ней. Мама была на сносях, до родов оставалась всего неделя, поэтому Изабель встала на колени, чтобы найти пузырек.

Геральдо Фернандес, ее отец, всегда был красавцем, но сейчас заметить это мешала кровь в волосах и наливавшийся чернотой синяк под глазом. Когда с отца стянули белую полотняную рубашку, оказалось, что спина покрыта рубцами.

Изабель следила, как мать промывает порезы губкой. Когда она налила йод на раны, отец застонал от боли.

– Что случилось? – спросила мать.

По стоящему в углу телевизору шел бейсбольный матч. Играли «Индустриалес». Шум стоял такой, что дедушке пришлось убавить звук.

– На Малеконе были беспорядки, – пояснил Лито. – Продукты закончились слишком быстро.

– Я не могу оставаться здесь, – сказал отец. Он опустил голову, но выговаривал слова громко и четко. – Больше не могу. За мной придут.

Все молчали. Разве что шуршала крыльями летучая мышь и ревела толпа в телевизоре.

Папа уже дважды пытался бежать с Кубы. В первый раз он и еще трое сколотили плот, чтобы на веслах добраться до Флориды. Но тропический шторм вынудил их вернуться. Во второй раз лодка была моторной. Но его задержала кубинская береговая охрана, после чего он отсидел в тюрьме год.

Теперь сбежать стало еще труднее. Американцы ввели новые правила, которые все называли «Мокрые ноги, сухие ноги». Если кубинских беженцев ловили в море с «мокрыми ногами», их немедленно отсылали обратно. Но если им удавалось вынести путешествие через Флоридский пролив, не попасть в руки береговой охраны США и ступить на американскую землю, то есть если их ловили с «сухими ногами», им давали специальный статус беженцев, позволяли остаться и стать американскими гражданами.

Папа хотел сбежать снова. И на этот раз, независимо от того, поймают его с мокрыми или сухими ногами, не собирался возвращаться.

– Нет никаких причин болтаться на плоту в океане, – заметил Лито. – Ты можешь на время скрыться. Я знаю маленькую лачугу в тростниковых полях. Ситуация улучшится, вот увидишь.

Отец ударил кулаком по столу.

– И каким образом она улучшится, Мариано? Думаешь, Советский Союз вдруг решит снова воссоединиться и послать нам еду? Никто нам не поможет! А Кастро только ужесточает режим!

Стоило ему произнести это имя, как трансляция игры прервалась специальным сообщением от кубинского президента.

Фидель Кастро был стариком с пигментными пятнами на лбу, седыми волосами, клочковатой бородой и мешками под глазами. Он носил одну и ту же одежду, в которой и сейчас предстал на экране: зеленый китель военного образца и берет. Сегодня он сидел перед рядом микрофонов.

Все снова замолчали. Лито прибавил звук.

Кастро проклинал беспорядки, разразившиеся сегодня на Малеконе, и во всем обвинял американских агентов.

– Это не американские агенты, – фыркнул папа, – а голодные кубинцы.

Кастро продолжал говорить без шпаргалки, приводя цитаты из романов и рассказывая анекдоты времен революции.

– Да выключи ты, – велел папа.

Но прежде чем мама успела потянуться к телевизору, Кастро сказал то, что заставило их прислушаться:

– Мы не можем продолжать охранять границы Соединенных Штатов, пока они посылают агентов ЦРУ подстрекать кубинцев к мятежу. Когда происходят подобные случаи, мир называет кубинское правительство жестоким и бесчеловечным. Поэтому, пока не будет найдено быстрое и эффективное решение, мы устраняем все препятствия для тех, кто решит покинуть Кубу. Пусть делают это легально. Раз и навсегда. Мы не станем им мешать.

– Что он сказал? – переспросила мама.

Папа с широко раскрытыми глазами встал из-за кухонного стола.

– Что всякий, кто хочет, может уехать.

У Изабель словно сердце из груди вырвали! Если Кастро позволяет покинуть Кубу всем желающим, отец исчезнет еще до рассвета. Она понимала это по его полубезумному виду.

– Ты не можешь уехать сейчас! – сказал Лито. – Тебе нужно заботиться о семье. У тебя есть жена, дочь! И вот-вот родится сын!

Они стали кричать друг на друга, спорить о диктаторах, свободе, семье и долге. Лито был отцом Терезы и никогда не ладил с зятем.

Изабель заткнула уши и отступила. Она хотела придумать ответ сразу для всех и найти решение, которое сохранит семью. И тут ее осенило:

– Мы поедем вместе! – воскликнула она.

Отец и дед немедленно притихли. Даже Кастро замолчал, а трансляция игры возобновилась.

– Нет! – хором воскликнули папа и Лито.

– Почему? – удивилась Изабель.

– Во-первых, твоя мать беременна, – напомнил дед.

– Нам все равно нечем кормить малыша, – возразила Изабель. – Да и у нас нет ни еды, ни денег. Но в Америке есть еда. И свобода. И работа.

И место, где отца не изобьют и не арестуют. И откуда он не сбежит.

– Если Кастро выпускает людей, мы все поедем. И Лито.

– Что? Нет, я… нет, – запротестовал тот.

Снова воцарилась тишина.

– Понять бы, где достать лодку, – пробормотал отец.

Изабель кивнула. Она и это уладит.

Ничего не объясняя, она побежала к соседям, в дом Кастильо. Луис, старший сын, который спас ее от дубинки полицейского, еще не вернулся. Хуаниты, матери семейства, тоже не было. Она работала в кооперативной адвокатской конторе. Зато Изабель нашла Ивана и его отца Руди, где и ожидала: в сарае. Там они мастерили уродливую голубую штуку, сколоченную из старых металлических вывесок, дорожных знаков и нефтяных бочек. Ее не назовешь лодкой, но она была достаточно велика и могла вместить не только семью Кастильо, но и возможно, еще четверых гостей.

– Да это Ураган Изабель! – воскликнул сеньор Кастильо. Его белые волосы были зачесаны назад, и, хотя еды почти не было, он успел отрастить приличное брюшко.

– Вы должны взять нас с собой! – выпалила Изабель.

– Ни за что, – ответил сеньор Кастильо. – Иван, гвоздь!

– В Гаване бунтуют люди! – напомнила Изабель.

– Расскажи мне что-то такое, чего я не знаю, – отмахнулся он. – Иван, ГВОЗДЬ!

Только тогда сын послушался.

– Моего отца едва не арестовали, – продолжала Изабель. – Если не возьмете нас с собой, его бросят в тюрьму.

Сеньор Кастильо перестал стучать молотком и покачал головой:

– Места нет. И нам не нужны на борту другие беженцы.

Иван как-то странно взглянул на отца, но заметила это только Изабель.

– Пожалуйста! – взмолилась она.

– У нас нет бензина, – заметил Иван и положил руку на мотоциклетный мотор, укрепленный к лодке. – В ближайшее время мы все равно никуда не поедем.

– Это я могу уладить, – пообещала Изабель.

Она побежала домой. Отец и дед по-прежнему спорили на кухне, поэтому она проскользнула внутрь через черный ход. Схватила трубу, грустно посмотрела на нее в последний раз и снова выбежала. На улице она вдруг остановилась, метнулась на задний двор и подхватила мяукающего котенка.

С трубой в одной руке и котенком в другой она пробежала несколько кварталов до пляжа, где громко постучала в дверь рыбака, которого знал дед. Его лодка с бензиновым мотором тихо покачивалась на ближайшем причале.

Рыбак, облизывая пальцы, подошел к двери и нахмурился. Изабель застала его за обедом. Пахло жареной рыбой. Котенок стал жадно принюхиваться. Когда он замяукал, в желудке Изабель заурчало.

– Ты внучка Мариано Падрона, верно? – спросил рыбак. – Что тебе нужно?

– Бензин!

– Бензин? А мне нужны деньги.

– У меня нет денег, – честно призналась Изабель. – Зато есть это.

Она протянула трубу, жалея, что медь немного потемнела. Но у нее не было ничего более ценного. Рыбак просто обязан согласиться на обмен.

– И что мне с этим делать? – спросил он.

– Продайте. Она французская и старая, а звук какой! Просто мечта!

Рыбак вздохнул:

– И зачем тебе так срочно понадобился бензин?

– Покинуть Кубу, прежде чем отца арестуют.

Он вытер губы ладонью. Прошло, казалось, несколько часов. Изабель стояла неподвижно. Внутри все бурлило, как в водосточной трубе. Наконец рыбак протянул руку и взял трубу.

– Жди здесь, – велел он.

Изабель затаила дыхание. Скоро рыбак вернулся с двумя огромными пластиковыми канистрами бензина. Изабель запрыгала от радости.

– Спасибо-спасибо-спасибо-спасибо-спасибо! – закричала она. – О, но вам придется взять и котенка!

Она протянула извивающийся комочек, но старый рыбак недоуменно уставился на нее:

– Зачем?

– Пожалуйста, – попросила Изабель. – Иначе ее поймают и съедят. Но у вас есть рыба. Она может питаться объедками.

Рыбак с подозрением оглядел котенка:

– Она хороший мышелов?

– О да, – заверила Изабель, хотя была уверена, что даже мышка может доставить тощему зверьку немало неприятностей. – Ее зовут Леона.

Старик вздохнул и взял у нее вырывавшегося котенка. Изабель улыбнулась и только сейчас заметила, какими большими и тяжелыми были канистры.

– О, а еще мне нужно, чтобы вы помогли отнести это к нам домой.

Махмуд

Алеппо, Сирия. 2015 год

В огромную дыру, на месте которой еще недавно была стена, Махмуд увидел, что повсюду поднимаются серо-белые клубы дыма, расцветшие после ракетных ударов. Он покачал головой, стараясь унять звон в ушах, и заметил младшего брата. Валид по-прежнему сидел на полу перед телевизором. Только телевизора больше не было. Он упал на пять этажей вниз, вместе со стеной. Окажись Валид на пять сантиметров ближе, улетел бы следом за стеной и телевизором.

Ноги то и дело больно ударялись о попадавшиеся на пути обломки стены. Валид сидел неподвижно, как статуя, и выглядел таковой. Он был с головы до ног покрыт мелкой серой пылью, словно принял ванну из порошкового сухого

бетона. Махмуд наконец добрался до брата и оттащил его от края пролома.

– Валид! Валид! Как ты? – спросил Махмуд, поворачивая его лицом к себе.

Глаза Валида были живыми, но абсолютно пустыми.

– Валид, поговори со мной. С тобой все в порядке?

Валид наконец глянул на него.

– У тебя кровь, – только и смог сказать он.

– Махмуд! Валид! – крикнула мать и, пошатываясь, вышла из спальни. На руках у нее лежала плачущая Хана. – О, слава Аллаху, вы живы!

Упав на колени, она обняла детей. Сердце Махмуда часто билось, в ушах до сих пор звенело, плечо горело, но зато все были живы. Они все живы! На глазах выступили слезы, и Махмуд поспешно вытер их ладонью.

Пол под ним застонал и сдвинулся.

– Нужно выбираться отсюда! – воскликнула мать и передала Хану Махмуду. – Идите, идите. Возьми брата и сестру. Я сейчас приду, только захвачу кое-какие вещи.

– Мама, нет!

– Идите! – велела она, подтолкнув детей к двери.

Махмуд прижал к себе Хану, схватил брата за руку и потащил за собой к двери. Но Валид вырвался:

– А мои фигурки?

– Купим новые, – пообещал Махмуд. – Нужно поскорее убраться отсюда!

В коридоре толпилось семейство Сарраф: мать, отец и две дочери-близняшки, помладше Валида.

– Что случилось? – спросил Махмуда мистер Сарраф и, заметив пролом в стене, вытаращил глаза.

– В здание попал снаряд, – пояснил Махмуд. – Нужно уходить!

Мистер и миссис Сарраф поспешили назад, в квартиру, а Махмуд понес Хану вниз по лестнице и потащил за собой Валида. На полпути здание снова сдвинулось, бетонные ступеньки оторвались от стены и оставили трещину шириной сантиметров в пять. Махмуд схватился за перила, чтобы не упасть, и напряженно выжидал, не обрушится ли лестница. Но она осталась на месте. Тогда Махмуд сбежал вниз. Когда он выбрался на улицу, Хана по-прежнему оставалась у него на руках, а брат шел следом.

Повсюду был разбросан строительный мусор. Снаряды и бомбы продолжали падать с неба, достаточно близко, чтобы снова и снова сотрясать разрушенные стены. Здание содрогнулось и сложилось. Дым и обломки лавиной хлынули на улицу. Махмуд подскочил, а Валид так и стоял неподвижно, словно подобные вещи случались каждый день.

И тут Махмуд с удивлением осознал, что так и было на самом деле. Каждый день. Вот только не с ними. До этого момента.

Повсюду люди, покрытые серой пылью и кровью, выбегали на улицы. Не слышалось воя сирен.

Ни одна скорая не спешила на помощь раненым. Ни полицейских машин, ни спасателей не было видно на месте трагедии. Их попросту не осталось.

Махмуд уставился на свое бывшее жилище. Здание выглядело словно кукольный дом. Махмуд мог рассмотреть каждый этаж, а там гостиные, кухни и молитвенные углы – совсем как у них, только обстановка разная.

Здание снова застонало, и кухня на верхнем этаже стала наклоняться в сторону улицы. Она упала на шестой этаж, а потом в квартиру Махмуда. Все стало

складываться, как костяшки домино. Махмуд едва успел крикнуть: «Бежим!» Он оттащил Валида и сестру, прежде чем весь дом с грохотом, похожим на гул истребителя, рухнул на улицу.

Стоя на тротуаре на противоположной стороне и вцепившись в Хану и Валида, Махмуд неожиданно сообразил, что мать оставалась в здании.

– Мама! МАМА! – завопил он.

– Махмуд! Валид! – крикнула мать, показавшись из-за горы обломков вместе с семьей Саррафа. Все были покрыты серой пылью. Мать подбежала к детям и стала их обнимать.

– Мы вышли через черный ход, – пояснила она. – И как раз вовремя.

Махмуд вновь взглянул на дом. Квартиры больше не существовало. Она была полностью уничтожена. Что им теперь делать? Куда идти?

Мать принесла школьные рюкзаки и теперь, когда отдала их детям, взяла Хану. Махмуд не понимал, почему так важно было спасти именно эти вещи, пока не увидел, что они набиты одеждой и пеленками. Мать постаралась вынести из дома хоть что-то. Все, что у них осталось, было в этих рюкзаках.

– Я не могу дозвониться до вашего отца, – вздохнула она, теребя в руках телефон. – Опять нет связи.

Отец Махмуда работал инженером в телефонной компании. Если связи нет, он, возможно, пытается ее восстановить. Но что, если и в него попал снаряд? При одной мысли об этом желудок Махмуда свернулся узлом. Но нет, вот он, отец, бежит по улице к ним. Махмуд почувствовал легкость.

– Фатима! Махмуд! Валид! Хана! – воскликнул отец и, обняв всех разом, поцеловал в лоб малышку Хану. – Слава Аллаху, вы все живы!

– Папа, наш дом разрушен, – сказал Махмуд. – Что мы будем делать?

– То, что следовало сделать давно. Мы уходим из Алеппо. Я припарковался неподалеку. К завтрашнему дню будем в Турции, там продадим машину и станем пробираться на север, в Германию.

Все, кроме отца Махмуда, остановились. Он же продолжал идти.

– Германия? – переспросила мать.

Махмуд удивился не меньше. Он вспомнил карту мира, висевшую в классе. Германия была где-то на севере, в самом сердце Европы. Он и представить не мог, что отправится так далеко. До этого он уезжал из Алеппо только в деревню, к бабушке.

– Ненадолго, – пояснил отец Махмуда. – Я видел по телевизору, что они принимают беженцев. Мы можем оставаться там, пока все не кончится. Пока не сможем вернуться домой.

– В Германии холодно, – заметил Махмуд.

– Хочешь слепить снеговика? – пропел отец.

Они видели «Холодное сердце» в кинотеатре, когда те еще были в Алеппо.

– Юсеф, – одернула его мать.

Он робко потупился:

– Ну… можно и не снеговика.

– Поговорим серьезно. Германия слишком далеко. Как мы доберемся туда? Все, что у нас осталось, – рюкзаки и наши телефоны.

Отец пожал плечами:

– На судне? Поездом? Автобусом? Пешком? Не могу сказать точно. Знаю одно: мы больше ни дня не останемся в Алеппо. Здесь небезопасно. И давно уже

небезопасно. Если мы хотим выжить, нужно покинуть Сирию.

Йозеф

Где-то в Атлантике. 1939 год

6 дней вдали от дома

Рут вприпрыжку бежала впереди Йозефа по залитой солнцем прогулочной палубе. И была счастлива как никогда раньше. Не без причин. Теплоход «Сент-Луис» казался раем. Рут никогда не была в германских кинотеатрах, потому что туда не пускали евреев. Впервые она увидела мультик на борту, во время ночи кино, и влюбилась в него, хотя следом показывали новостной ролик с вопящим Гитлером, который обличал евреев.

Трижды в день Ландау ели восхитительно вкусную еду в столовой, за столиками, которые были накрыты белыми льняными скатертями, сервированы хрустальными стаканами и сверкающим столовым серебром. Стюарды всячески прислуживали семье. Они играли в шаффлборд и бадминтон, а команда развернула плавательный бассейн, который обещали наполнить морской водой, как только «Сент-Луис» войдет в Гольфстрим.

Все члены команды обращались с Йозефом и его семьей любезно и с уважением, невзирая на постоянные предупреждения отца, что германцы обязательно придут за ними. За пять дней отец ни разу не вышел из каюты, даже в столовую, и мать от него почти не отходила.

Члены команды были обходительны, хотя знали, что Йозеф и его семья – евреи. На корабле никто не носил повязок со звездой Давида, ни на одной каюте не висело буквы «Е». Пассажиры, все девятьсот восемь человек, были евреями. Они направлялись на Кубу, чтобы убежать от нацистов, и когда наконец оказались вдали от угроз и насилия, с которыми постоянно сталкивались в Германии, смогли петь, танцевать и смеяться.

Две девочки возраста Рут, в одинаковых цветастых платьицах, хихикали, перегнувшись через поручень. Йозеф с сестрой подошли ближе посмотреть, что они делают. Одна девочка нашла длинную бечевку и, спустив ее за борт, щекотала носы пассажиров, спящих в креслах на палубе А. Их последняя жертва хлопала себя по лицу, словно на нем сидела муха. Наконец удар оказался достаточно сильным, чтобы мужчина проснулся, и Рут громко рассмеялась. Девчонки быстро подняли бечевку и все упали на пол за поручнем, чтобы мужчина их не увидел.

– Я Йозеф, – представился он девочкам, когда все собрались вместе. – А это Рут.

– Йозефу только что исполнилось тринадцать! – сообщила Рут. – В следующую субботу у него бар-мицва[5 - Официальное совершеннолетие у евреев.].

Бар-мицва – церемония, в которой мальчик по законам иудаизма официально становится мужчиной. Обычно она проводилась в еврейский выходной, первую субботу после тринадцатилетия мальчика. Йозеф не мог дождаться своего праздника.

– Если будет достаточно народа, – напомнил Йозеф.

– Я Рената Абер, – сказала старшая из девочек, – а это Эвелин.

Они были сестрами и, как ни удивительно, путешествовали одни.

– На Кубе нас ждет отец, – пояснила Рената.

– А где ваша мама? – спросила Рут.

– Она… захотела остаться в Германии, – пробормотала Эвелин.

Йозеф сразу понял, что им не хочется говорить об этом.

– Эй, я знаю одну забавную штуку, – объявил он. – Можно попробовать.

Как-то давно они с Клаусом уже испытывали этот трюк на герре Майере.

Подумав о друге, Йозеф вспомнил и кое о чем другом, но усилием воли отогнал дурные мысли. Теплоход «Сент-Луис» оставил все это позади.

– Сначала, – сказал Йозеф, – нам нужно мыло.

Как только они нашли брусок, Йозеф показал, как намылить дверную ручку, чтобы она стала такой скользкой, что и не повернешь. Так они поступили со всеми каютами на палубе А, а потом спрятались за углом и стали ждать. Скоро по коридору прошел стюард с большим серебряным подносом и постучал в дверь. Йозеф, Рут, Рената и Эвелин еле удержались от смеха, когда мужчина попытался и не смог войти в каюту. Из-за широкого подноса стюард ничего не видел, и пока возился с ручкой, поднос вывалился из рук и с ужасным грохотом упал на пол.

Все четверо умирали от смеха. Йозеф и Рената поскорее утащили младших, пока их не поймали. Громко пыхтя и хихикая, они свалились за спасательной шлюпкой. Вытирая глаза, Йозеф вдруг осознал, что уже много лет так не играл, не смеялся. Жаль, он не сможет навсегда остаться на борту «Сент-Луиса».

Изабель

Неподалеку от Гаваны. Куба. 1994 год

Лодка тяжело повисла на руках Изабель. Она боялась не удержать ее, хотя еще пятеро несли груз вместе с ней. Она и Иван с обеих сторон вцепились в середину лодки, в то время как его родители, а также отец и дед Изабель взяли на себя нос и корму.

Сеньора Кастильо, мать Ивана, была темнокожей и фигуристой, а свои дреды она повязывала белой косынкой. Мать Изабель, которая находилась на девятом месяце беременности, не могла нести лодку. Та была большой, тяжелой, да еще забитой пластиковыми канистрами с бензином, бутылками из-под газировки с пресной водой, сгущенным молоком, сыром, хлебом и лекарствами. Все остальное пришлось оставить. Сейчас самым важным было добраться до Америки.

Стояла ночь, и убывающая луна выглядывала из-за редких облаков. Теплый ветерок ерошил короткие курчавые волосы Изабель и холодил руки, на которых уже выступили мурашки.

Фидель Кастро сказал, что всякий, кто хочет уехать, волен это сделать. Но с тех пор прошло несколько часов. А вдруг он передумал? Или на берегу ждут полицейские кордоны, чтобы их арестовать? Изабель покрепче сжала борт и постаралась убыстрить шаг.

Они свернули с гравийной деревенской дороги и потащили лодку по прибрежным дюнам. Все, что могла видеть Изабель, – покачивавшийся перед лицом металлический борт лодки, поэтому, когда откуда-то стал доноситься шум, она долго не могла понять, в чем дело.

На берегу были люди! Полно людей!

Изабель запаниковала. Худшие страхи оправдались! Внезапно в лицо ударил слепящий свет. Изабель вскрикнула и отпустила борт. Шедший впереди сеньор Кастильо споткнулся и разжал руки. Нос лодки уткнулся в песок.

Изабель повернулась, заслоняя ладонью лицо и ожидая увидеть полицейский фонарь. Но вместо этого увидела телекамеру.

– Это Си-эн-эн, – сказала по-испански женщина с микрофоном в руках. Лицо ее в темноте казалось всего лишь расплывчатым силуэтом. – Можете пояснить, что заставило вас принять решение об отъезде?

– Скорее! – окликнул сеньор Кастильо с другой стороны лодки. – Поднимайте ее! Мы уже почти у воды!

– Я… – пробормотала Изабель, застыв в лучах яркого света камеры.

– У вас есть родственники в Майами, которым вы хотели бы передать несколько слов? – спросила репортер.

– Нет, мы…

– Изабель! – позвал отец.

Остальные уже подняли лодку с песка и зашагали на шум прибоя. Яркий свет камеры метнулся от Изабель к другим беженцам. Больше половины их деревни были здесь, на песке. Они хлопали в ладоши, махали руками и приветствовали отъезжавших. А лодок было так много!

Семья Изабель вместе с Кастильо тайно работала всю ночь, боясь, что их кто-то услышит, но очевидно, остальные занимались тем же самым. Здесь были надувные лодки, каноэ с самодельными аутригерами, плоты из связанных вместе автомобильных камер, суда из пенопласта и бензиновых бочек.

Когда непрочный на вид плот из деревянных коек и автомобильных камер поднял парус из простыни и тот надулся от ветра, послышались радостные возгласы. Когда еще один, изготовленный из старого холодильника, затонул, раздался смех.

Свет камеры вновь скользнул по лицам собравшихся, и только сейчас Изабель увидела полицейских.

Небольшой отряд выстроился на скалах, окружавших залив. Полицейских было не так много, как в Гаване, но вполне достаточно. Достаточно, чтобы арестовать всю ее семью за попытку сбежать с острова. Но они ничего не предпринимали. Просто стояли и смотрели. Значит, приказ Кастро, разрешавший людям уехать, остается в силе!

– Чабела! – позвала мать. – Чабела, пойдем!

Она уже была в лодке, а папа помогал Ивану подняться на борт. Изабель вошла в воду. Волны лизали ее шорты. Она уже почти коснулась протянутой отцом руки, когда увидела, что его глаза широко раскрылись.

Изабель оглянулась. Двое полицейских оторвались от своих и бежали к воде. К ним.

– Нет, нет! Они идут за мной! – воскликнул отец. Изабель упала в воду и поплыла, пытаясь добраться до лодки. Отец уже перепрыгнул на борт.

– Заводи мотор! – крикнул он.

– Нет! Подождите меня! – завопила Изабель, выплевывая морскую воду.

Уцепившись за борт лодки, она снова оглянулась. Двое полицейских бежали по волнам, высоко поднимая ноги. Хуже того, другие последовали их примеру. Все охотились за лодкой Кастильо.

Чьи-то руки схватили Изабель и втянули в лодку. Это был Иван! Но когда она уже была на борту, Иван и его мать помогли забраться внутрь двум полицейским, которые гнались за ними, и все повалились на днище. Зачем они это сделали?

– Нет! – воскликнул отец и отодвинулся так далеко, как только мог.

Полицейские стянули береты. Изабель узнала в одном Луиса, старшего сына Кастильо! Его напарник распустил свои длинные черные волосы. Изабель растерялась, когда поняла, что это женщина. И судя по тому, как она взяла Луиса за руку, они были вместе.

Должно быть, такого плана Кастильо придерживались с самого начала. Луис и его подружка должны были бежать с ними! Но никто и слова не сказал Изабель и ее родным.

Бум! Над волнами прогремел выстрел, толпа на пляже в панике закричала. Пистолет выстрелил снова, – бум и дзинь! – это зазвенел корпус лодки Кастильо, когда в него попала пуля.

Полицейские стреляют в них! Но почему? Разве Кастро не разрешил всем желающим уехать?

Взгляд Изабель упал на Луиса и его девушку. Она все поняла. Полицейским не разрешено покидать остров. Получается, они дезертиры. А дезертиров расстреливают.

Зачихал, оживая, мотор. Нос лодки разрезал волну, обдав Изабель морской водой. Жители деревни радостно закричали. Сеньор Кастильо ухмыльнулся,

увидев, что они оставили преследующих их полицейских далеко позади.

Изабель устроилась между двумя скамьями, пытаясь отдышаться. Прошло несколько секунд, прежде чем она осознала: все происходит на самом деле. Они оставляют позади Кубу, деревню, дом – все, что она знала в этой жизни.

Отец Изабель пробрался на другой конец лодки и схватил сеньора Кастильо за грудки.

– Что за игру ты ведешь? Что, если они станут нас преследовать? Что, если пошлют за нами военное судно? Ты подверг нас всех опасности!

Сеньор Кастильо с силой ударил Геральдо Фернандеса по рукам, заставляя отпустить себя.

– Мы не просили плыть с нами!

– Но мы достали бензин! – завопил отец Изабель.

Они продолжали спорить, но шум мотора и биение волн о борта лодки заглушали слова. Изабель все равно не хотела слушать. Она думала только о девяноста милях, которые лежат впереди, и о воде, вливавшийся в лодку через дыру в борту.

Махмуд

Неподалеку от Алеппо, Сирия. 1015 год

1 день вдали от дома

Отец Махмуда остановил свой микроавтобус «мерседес» у маленькой придорожной заправки к северу от Алеппо. Валид и Махмуд сидели в машине вместе с матерью, пока та, прикрывшись одеялом, кормила Хану. Мать переоделась в черное платье с длинными рукавами и розовый цветастый

хиджаб, закрывавший голову и плечи, – видна была только полоска темно-каштановых волос. Родители решили, что следует носить более закрытую одежду, чем в Алеппо, на случай, если они встретят за городом ортодоксальных мусульман. В некоторых местах женщин забрасывали камнями или убивали, если их тела не были полностью закрыты, особенно в районах, контролируемых ДАИШ – организацией, которую весь остальной мир называл ИГИЛ[6 - Запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация.].

Члены ДАИШ считали, что ведут последнюю войну апокалипсиса, а все, кто не соглашался с их толкованием Корана, были неверными, и им следовало рубить головы. Махмуд и его семья намеревались держаться от ДАИШ как можно дальше, но радикалы с каждым днем пробирались все глубже в Сирию.

Махмуд выглянул в пыльное окно машины. Высоко в небе летел реактивный истребитель, направляясь в сторону Алеппо. Фреска, нарисованная на стене здания заправки, изображала президента Асада с коротко остриженными волосами и тонкими небольшими усиками под длинным носом, в костюме и галстуке, на фоне сирийского флага, голубей мира и ярко-желтого света. Извилистая линия настоящих пулевых отверстий пересекала лицо Асада.

Отец Махмуда вернулся в машину.

– Я составила маршрут, – сообщила мама, открывая на айфоне приложение GoogleMaps. Махмуд подался вперед, чтобы лучше рассмотреть.

«Этот маршрут пересекает границу страны», – сообщило приложение, отметив тревожную зону маленьким желтым треугольником. Именно этого они и хотели – выбраться из Сирии самой короткой дорогой. Отец завел двигатель, включил зажигание, и они поехали.

Час спустя их встретили четверо солдат и знаком велели остановиться. Махмуд застыл. Эти люди могли принадлежать сирийской армии или мятежникам. Могли оказаться даже ДАИШ. Разобраться теперь стало еще труднее.

Несколько солдат носили камуфляжные штаны и рубашки, остальные – трикотажные толстовки «Адидас», кожаные безрукавки и штаны от спортивных костюмов. У всех были короткие черные бороды, как у отца Махмуда, и чалмы

различных цветов и узоров. И каждый держал в руках автомат, только это действительно имело значение.

– Хиджаб, – прошипел отец. – Быстро!

Мать поспешно натянула конец шарфа на лицо, так что были видны только глаза. Махмуд опустился на пол старого микроавтобуса и попытался исчезнуть. Валид сидел, вытянувшись, у открытого окна, неподвижный и невозмутимый.

– Всем оставаться на местах и успокоиться, – велел отец, сбросив скорость. – Говорить буду я.

Один из солдат встал перед машиной и нацелил винтовку на лобовое стекло. Другие обошли машины и заглянули в окна. Они молчали, и Махмуд зажмурился, ожидая выстрелов. По его спине бежали струйки пота.

– Я всего лишь хочу доставить семью в безопасное место, – сказал отец солдатам.

Один из мужчин подошел к окну со стороны водителя и прицелился в него:

– Ты на чьей стороне?

Вопрос был так же опасен, как автомат. Верный ответ – и они останутся в живых, неверный – и все умрут. Но что же сказать? Аль-Асад и сирийская армия? Мятежники? ДАИШ?

Отец колебался, Махмуд затаил дыхание.

Один из солдат взвел курок. ЧИ-ЧАК!

И тут неожиданно подал голос Валид:

– Мы против тех, кто бросает на нас бомбы.

Солдат рассмеялся. Ему вторили остальные.

– Мы тоже против тех, кто бросает на нас бомбы, – сказал тот, который стоял у окна. – Обычно это собака аль-Асад.

Махмуд облегченно выдохнул. Валид не знал, что сейчас спас всю семью.

– Куда вы едете? – спросил солдат у окна.

– На север. Через Азаз.

Солдат открыл дверь машины и скользнул внутрь, оттолкнув Валида назад.

– Нет-нет, через Азаз нельзя. Там сражаются Исламский фронт и «Аль-Каида».

Дверь со стороны Махмуда открылась, и один из солдат поднял его с пола и потеснил к Валиду. Еще двое устроились на заднем сиденье, а последний присоединился к Махмуду и Валиду. Он был в пыли и вонял так, словно не мылся месяцами. Жар дороги исходил от него и его оружия, как от печи.

Очевидно, все они собрались прокатиться.

Один из солдат на заднем сиденье выхватил у мамы айфон и взглянул на маршрут.

– Пользуйся AppleMaps, – посоветовал он.

– Нет, идиот, GoogleMaps лучше! – сказал другой, а затем обратился к отцу Махмуда: – Смотри, нужно ехать в Катму, а потом – на север, через Кесель. Мятежники, армия и ДАИШ находятся здесь и здесь. – Он показал на карте, где именно. – У них очень много оружия. А курды держат всю эту территорию. Русские наносят удары здесь и здесь, в поддержку этой алавитской свиньи, Асада, а американские дроны атакуют ДАИШ в этих местах.

Махмуд вытаращил глаза. Все, что описывал солдат, стояло между ними и Турцией.

– Возвращайся на юг, – приказал солдат. – Можешь выпустить нас на шоссе 214.

Отец повернул машину и поехал в указанном направлении. Солдат с айфоном развернул карту, чтобы разглядеть маршрут.

– Едешь в Турцию?

– Я… там я учился на инженерном факультете, – ответил отец Махмуда.

– Тебе не следовало покидать Сирию, – вмешался второй. – Ты должен постоять за страну! Бороться с тираном аль-Асадом!

Махмуд подумал, что между аль-Асадом, ДАИШ, Россией и Америкой почти не осталось Сирии, за которую нужно бороться.

– Я всего лишь хочу уберечь семью, – повторил отец.

– Мою семью убили при налете, – сообщил солдат. – Может, когда твою тоже убьют, ты возьмешься за оружие. Но к тому времени будет слишком поздно.

Махмуд вспомнил, какой ужас ощутил, когда их дом обрушился, а мама осталась там. Или когда он думал, что они не сумеют дозвониться до отца. Если бы его родители погибли при налете, хотел бы он отомстить их убийцам? Должны ли Махмуд и его отец присоединиться к мятежникам и сражаться за свою страну, вместо того чтобы убегать?

Отец Махмуда продолжал вести машину. Они уже почти добрались до шоссе, когда начался автоматный обстрел. Та-та-та-тат! Та-та-та-тат!

Пули впивались в кузов. Махмуд вскрикнул и упал на пол, едва его обдал дождь из осколков стекла. Заднее колесо лопнуло, и машина беспорядочно завиляла из стороны в сторону, визжа тормозами. Отец безуспешно пытался справиться с управлением. Махмуд и Валид не могли подняться, потому что солдат на заднем сиденье повалился на них. В его голове темнела дыра.

Махмуд снова вскрикнул и оттолкнул тело. Машина наконец остановилась. Пули то свистели мимо, то снова попадали в машину. Пинг-пинг-пинг.

Отец Махмуда открыл дверь и вытащил маму и Хану.

– Выбирайтесь! – крикнул он.

Солдаты на заднем сиденье пинками открыли дверь на левой стороне машины и вывалились наружу. Еще больше пуль прожужжало над головами, и уже скоро мятежники, которые ехали с ними, стали отстреливаться. Автоматные выстрелы отдавались в ушах Махмуда, словно он сидел в бочке, по которой били молотками.

Все, чего он хотел, – свернуться комочком и исчезнуть. Но он знал, что если вместе с Валидом останется в машине, то их тоже убьют, как солдата, лежавшего рядом. Махмуду нужно встать, выйти, двигаться.

Сердце билось так громко, что, казалось, вот-вот вырвется из груди. Но Махмуд нашел мужество схватить Валида за руку, протащить по сиденью и вынырнуть из машины на землю. Они свалились в канаву рядом с родителями. Хана заливалась плачем, но Махмуд почти не слышал его за громом выстрелов.

Отец дождался небольшого перерыва в пальбе и пополз к машине.

– Юсеф, нет! – вскрикнула мама. – Что ты делаешь?

Он прыгнул на переднее сиденье и вытащил айфон и зарядное устройство из гнезда как раз в тот момент, когда пули вновь прострочили машину. Отец вывалился на землю и вновь скользнул в канаву.

– Нужно было вернуться за телефоном, – объяснил он. – Как иначе мне играть в AngryBirds?[7 - «Злые птицы», «рассерженные птицы» (англ.) – компьютерная игра.]

Он снова шутил. Махмуд знал, что им нужен телефон, чтобы добраться до Турции. Без карт они заблудятся.

Отец дождался очередного перерыва, и семья пустилась бежать от машины, оставив там все, что удалось спасти из рухнувшего дома.

Йозеф

Где-то в Атлантике. 1939 год

8 дней вдали от дома

Наконец настала суббота – день, в который Йозеф оставит детство позади и станет мужчиной. Он едва сдерживал волнение. Корабельная доска объявлений возвещала, что общий холл первого класса будет переоборудован в синагогу, еврейский дом молитвы, а это означало, что у Йозефа все-таки будет бар-мицва.

Однако он старался не выказывать свое волнение в присутствии отца. То, что могло стать счастливым событием в доме Ландау, теперь вызывало лишь тревогу, и все из-за отцовской паранойи.

– Синагога на борту корабля? – спросил отец и, покачав головой, продолжал мерить шагами маленькую каюту. В одежде не по размеру он выглядел смешно.

– Сам капитан распорядился, – ответила мама.

– Абсурд! Неужели никто не заметил нацистский флаг над головой, когда мы поднимались на борт?

– Так ты не пойдешь на бар-мицву собственного сына?

Мать и Рут уже надели красивые субботние платья. На Йозефе были лучшая рубашка и галстук.

– Бар-мицва? Но на корабле недостаточно мужчин для миньяна![8 - Миньян – в иудаизме: кворум из десяти взрослых мужчин, необходимый для общественного богослужения и для ряда религиозных церемоний. – Примеч. ред.] – возразил отец.

По еврейским законам для публичной службы необходимо было присутствие определенного количества мужчин – десять человек или больше.

– Нет. Никто из живших в Германии последние шесть лет не пойдет на еврейскую молитву на борту нацистского судна.

Отец провел рукой по бритой голове.

– Нет. Это ловушка. Нас выманят, а потом схватят! Ловушка!

– Хорошо, – вздохнула мама, – мы пойдем без тебя.

Они оставили отца ходить кругами по комнате и что-то бормотать себе под нос. Йозефу казалось, словно кто-то вырвал сердце из его груди. Он так мечтал о том дне, когда отец будет рядом, чтобы прочитать молитву.

«Но, может, это и означает стать мужчиной? Может, мужчине больше не следует полагаться на отца?» – думал Йозеф.

Он, мама и Рут остановились перед холлом первого класса. Не потребовалось искать десять человек для молитвы. Здесь собралась сотня мужчин, возможно, даже больше. Все в кипах и белых с черным талесах, молитвенных покрывалах, наброшенных на плечи, как шарфы. Карточные столы были отодвинуты к стенам, и стюарды вносили дополнительные стулья, чтобы разместить всех посетителей. Впереди, на столе, лежал свиток Торы.

Йозеф стоял и смотрел. Он уже целую вечность не посещал синагогу. Это было до Хрустальной ночи, до Нюрнбергских законов, до бойкотов и сожжения книг. До того, как евреи стали бояться собираться вместе в публичных местах.

Родители Йозефа всегда брали его в синагогу по субботам. Даже когда другие родители оставляли детей с нянями.

Воспоминания нахлынули на него: как евреи раскачивались и напевали во время молитв, вытягивая шеи, чтобы видеть Тору, которую выносили из арки. Как надеялись дотронуться и поцеловать, когда ее проносили мимо. Йозеф почувствовал, что кожу начало покалывать. Нацисты отняли это у евреев, но

теперь пассажиры судна вернули себе все.

Густав Шредер, низкорослый капитан судна, приветствовал их у дверей. На галерее над холлом собрались члены команды, которые не несли вахту.

– Капитан, – обратился к нему ребе, один из тех, кто вел службу, – не могли бы мы, учитывая обстоятельства, снять портрет фюрера? Не совсем… удобно праздновать столь священный момент в присутствии Гитлера.

Йозеф видел изображения нацистского лидера по всему кораблю, зал первого класса не был исключением. Большой портрет Гитлера висел в середине комнаты и наблюдал за ними.

Кровь оледенела в жилах Йозефа. Он ненавидел этого человека. Ненавидел за все, что он сделал с евреями, но больше всего – за то, что сделал с отцом.

– Конечно, – ответил капитан Шредер и быстро позвал двух стюардов. Скоро они сняли портрет и вынесли из помещения.

Йозеф увидел, как один из членов команды, стоявший на галерее, ударил кулаком по поручню и ринулся прочь.

Мать поцеловала Йозефа в щеку и вместе с Рут направилась к местам для женщин. Йозеф сел с мужчинами. Ребе стоял перед толпой и читал из Книги пророка Осии. Потом Йозеф должен был произнести молитву, которую учил неделями. Его трясло от волнения, стоило подняться и встать перед такой большой аудиторией. Иногда Йозеф запинался, вспоминая, как произносятся те или иные слова на иврите, но он смог дочитать до конца. Потом он нашел мать в толпе. Ее глаза наполнились слезами.

– Сегодня, – прошептал Йозеф, – я стал мужчиной.

После церемонии он пожал множество рук и выслушал множество поздравлений, но в глазах все сливалось, словно это был сон. Йозеф ждал бар-мицвы, сколько помнил себя. Чтобы больше не быть ребенком. Чтобы стать взрослым.

Мать и сестра Йозефа вернулись в каюту, к отцу. Йозеф в одиночестве прогуливался по палубе. Он чувствовал себя совсем другим человеком.

Рената и Эвелин выскочили из-за спасательной шлюпки и схватили его за руки. Поскольку родителей на борту не было, они не пошли в синагогу, а вместо этого играли на палубе.

– Йозеф! Постереги нас! – воскликнула Рената.

Прежде чем он успел запротестовать, девочки потащили его к женскому туалету. Йозеф боялся, что они втолкнут его внутрь, но его поставили У двери.

– Крикни, если увидишь, что кто-то идет, – выдохнула Рената. – Мы хотим запереть все кабинки изнутри и пролезть под дверями, чтобы никто не смог воспользоваться туалетом!

– Нет, не надо… – запротестовал Йозеф, но они уже исчезли. Он неловко переминался у туалета, не зная, уйти или остаться.

Скоро сестры выбежали в коридор, повиснув друг на друге и умирая от смеха. Мимо, держась за живот, проковыляла молодая женщина с позеленевшим лицом. Все замолчали, было слышно, как женщина дергает за ручки кабинок, пытаясь войти. Наконец она выскочила наружу и, отчаявшись, пошла прочь.

Рената и Эвелин снова разразились хохотом. Йозеф негодующе выпрямился:

– Ничего смешного. Идите туда и немедленно отоприте двери.

– Если сегодня у тебя бар-мицва, это еще не значит, что ты стал взрослым! – отрезала Рената, а Эвелин высунула язык. – Пойдем, Эви, давай запрем все туалеты на палубе А!

Сестры убежали, а Йозеф фыркнул. Они правы. Бар-мицва еще ничего не значит. Взрослые люди – это те, кто берет на себя ответственность.

Йозеф продолжал гулять по палубе, выглядывая стюардов, которым мог бы сказать о туалетных кабинках. И тут же увидел двоих, они остановились

поглядеть на воду.

– Должно быть, делает шестнадцать узлов, не меньше, – заметил один. – Капитан велел поставить двигатели на максимальную скорость.

– А как иначе? – сказал второй. – Те два судна меньше и быстроходнее. Они доберутся до Кубы раньше и выгрузят пассажиров. Кто знает, вдруг на Кубе решат, что у них и без того полно евреев, и, когда мы пришвартуемся в тамошней пристани, отправят нас обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Отечество (нем.). – Здесь и далее, если не оговорено иное, примечания переводчика.

2

Призыв к молитве.

3

Служитель мечети, призывающий на обязательную молитву.

4

MS – так называемый судовой префикс, означающий «дизельное судно» или «теплоход».

5

Официальное совершеннолетие у евреев.

6

Запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация.

7

«Злые птицы», «рассерженные птицы» (англ.) – компьютерная игра.

8

Миньян – в иудаизме: кворум из десяти взрослых мужчин, необходимый для общественного богослужения и для ряда религиозных церемоний. – Примеч. ред.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gratc_alan/bezhenec

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить